

Russian A: literature – Higher level – Paper 1
Russe A : littérature – Niveau supérieur – Épreuve 1
Ruso A: literatura – Nivel superior – Prueba 1

Friday 8 May 2015 (afternoon)
Vendredi 8 mai 2015 (après-midi)
Viernes 8 de mayo de 2015 (tarde)

2 hours / 2 heures / 2 horas

Instructions to candidates

- Do not open this examination paper until instructed to do so.
- Write a literary commentary on one passage only.
- The maximum mark for this examination paper is **[20 marks]**.

Instructions destinées aux candidats

- N'ouvrez pas cette épreuve avant d'y être autorisé(e).
- Rédigez un commentaire littéraire sur un seul des passages.
- Le nombre maximum de points pour cette épreuve d'examen est de **[20 points]**.

Instrucciones para los alumnos

- No abra esta prueba hasta que se lo autoricen.
- Escriba un comentario literario sobre un solo pasaje.
- La puntuación máxima para esta prueba de examen es **[20 puntos]**.

Проанализируйте **один** из предложенных текстов:

1.

Тем летом мы проходили археологическую практику. Наша школа так хорошо поработала, что специальным решением горкома партии в сентябре нас не послали на хлопок, а оставили помогать археологам. Это было вдвойне хорошо, экспедиция платила какие-то деньги, и для нас с мамой они были подспорьем. Я очень гордилась, что в свои четырнадцать уже приношу в дом заработанную копейку. Но главное – там было интересно.

Начальник экспедиции Борис Донатович – ако Боря, как почтительно, на таджикский лад, его называли – толстенький низенький человек, всегда ходил в старом залатанном ватнике и старой-престарой солдатской панаме (говорили, что она – его талисман). У него были маленькие глазки и странная привычка все время жевать щеки. Ако Боря собирал нас после работы на айване – открытой террасе главного дома экспедиции, поил чаем и рассказывал истории.

Он рассказывал про пророка Мухаммеда, как тот убегал от соплеменников в горы, впадал в транс, и в поэтическом припадке ему являлись суры Корана. Мухаммед был слаб телом, как сам Борис Донатович, но силен духом и обладал даром слова, которое, считают мусульмане, может сдвигать горы.

Когда Борис Донатович говорил, он становился другим – мягким или твердым, сообразно тому, чего требовал от него рассказ. Энергия и сила исходили от него такие, что мороз по коже продирает – становилось и радостно и неуютно одновременно. В наэлектризованной тишине был слышен его уверенный голос, точные слова ложились одно к одному, вызывая немое преклонение. Нарушить колдовскую музыку его слов было нельзя, даже сбегать пописать было стыдно.

Сказки “Тысячи и одной ночи” в Пенджикенте всегда любили. Мы даже разыгрывали некоторые сценки в школьном театре, заламывали руки, бросались на колени перед мальчиком, играющим падишаха, умоляли его сложно и красиво, такими словами никто из нас в жизни не говорил. Но только здесь раскрылась мне настоящая красота этих сказок. Борис Донатович начинал рассказ, и под звездным небом на айване являлся нам отвратительный карлик-горбун. Он сидел на плечах Синбада-морехода, ехидничал, приказывал, помыкал им. Я вдруг начинала чувствовать его на своих плечах: вот он, давит на плечи, сжимает горло, и кажется, что выхода нет и таскать эту гадкую образину до скончания собственного века как тяжелую болезнь, от которой не придумали вакцины. Или возникал перед глазами богатый восточный базар. По нему, не разбирая дороги, ехал на горячем иноходце Али – ближайший родственник пророка – щеголь и богач, заказавший у кузнеца ненужный для схватки, но красивый и загадочный на вид двулезвийный меч Зульфикар. После смерти Али молва приписала безделице, выкованной для городского кутилы, магические свойства. Или возникал на айване молодой и прекрасный Искандер Двурогий – Александр Македонский и его полководцы. Воины от рождения, они прошагали полсвета непобедимой фалангой, но, столкнувшись с восточной негой и роскошью, быстро утратили боевой задор; околдованные магией золота и доступностью луноликих танцовщиц, они растратили чудесную силу, что была поначалу у нищих и алчных до богатства, никому до той поры неведомых македонцев.

Петр Алешковский, *Рыба. История одной миграции* (Октябрь 2006)

2.

Санкт-Петербург

Ах, как приятно в день весенний
Урвать часок на променад
И для галантных приключений
Зайти в веселый Летний сад.

5 Там, средь толпы жантильно-гибкой,
Всегда храня печальный вид,
С разочарованной улыбкой
Поручик Лермонтов стоит!..

10 Ах, Санкт-Петербург, все в тебе очень странно,
Серебряно-призрачный город туманов!..
Ах, Петербург, красавиц “мушки”,
Дворцы, каналы, Невский твой!
И Александр Сергеич Пушкин
У парапета над Невой!

15 А белой ночью, как нелепость,
Забывши день, всю ночь без сна
На Петропавловскую крепость
Глядеть из темного окна!..
И, лишь запрут в Гостиный лавки,
20 Несутся к небу до утра
Рыданье Лизы у Канавки
И топот Меднаго Петра!..

Ах, Санкт-Петербург, все в тебе очень странно,
Серебряно-призрачный город туманов!..
25 Ах, Петербург, красавиц “мушки”,
Дворцы, каналы, Невский твой!
И Александр Сергеич Пушкин
У парапета над Невой!..

Агнивцев Николай Яковлевич, *Блистательный Санкт-Петербург* (1923)
